

Уездный судья, наспех приведя себя в надлежащий вид, вскоре вернулся. Первым делом он распорядился увести маленького попрошайку, а затем принялся рассыпаться в извинениях перед гостями из Ордена Небесного Пути. Старик сокрушался о собственном недосмотре и о том, что подобная мерзость осквернила взор почтенных бессмертных.

Адепты Ордена лишь великодушно отмахнулись: пустяки, мол, не стоит и поминать. Покинув усадьбу магистрата, они всё ещё оживлённо обсуждали случившееся. Похоже, юным заклинателям прежде не доводилось встречать — и даже воображать — людей, способных швыряться нечистотами. Сегодняшний случай явно расширил их кругозор.

— Старший брат Ци, — спросил один из учеников, — неужели мы оставим это дело просто так?

— По нему уже вынесен вердикт, — отрезал Ци Чжаншэн. — Не стоит тратить время на пустяки. Наша первоочередная цель — выследить и изловить демоническую тварь.

Цзянь Мянью, державшийся подле Цинь Уцзю, оказался в своего рода изоляции. За всё утро никто из соучеников не обмолвился с ним и парой слов. Впрочем, его это мало заботило. В этой странной, пропитанной недомолвками атмосфере для него имела значение лишь безопасность младшего шишу. Любовь или неприязнь остальных была делом десятым.

Цинь Уцзю тем более не выказывал беспокойства. Совместные действия с адептами ордена в его планы не входили.

Проводив взглядом удаляющуюся группу заклинателей, Цзянь Мянью остановился.

— Брат Цинь, давай посмотримся в другом месте. История того мальчишки... она не даёт мне покоя.

Он не был похож на тех неопытных учеников, что впервые покинули стены обители. Цзянь Мянью понимал: в мире полно несправедливости, и слово чиновника — далеко не всегда истина в последней инстанции. Частью его мечты было защищать слабых и карать зло. Если расследование подтвердит, что Юй Ваньэр не сводила счеты с жизнью, он сделает всё, чтобы восстановить справедливость. А если ошибки не было — он надеялся помочь мальчишке смириться и отпустить прошлое. Тот губил свою жизнь, задыхаясь в тени чужой смерти.

Цинь Уцзю, которого охота на монстров интересовала постольку-постольку, не стал возражать. Приняв его молчание за согласие, Цзянь Мянью расспросил прохожих о доме Юй Ваньэр и направился по указанному адресу.

Когда они проходили мимо одной из лавок, из дверей с треском вылетел хромой старик. Он тяжело рухнул на землю, а его костыль и поношенные соломенные сандалии отлетели на

добрый десяток шагов.

Старик, явно ушибившись, не сразу сумел подняться. Сидя на пыльной мостовой, он разразился проклятиями:

— Тьфу на вас! Наживаетесь на чужом горе, душегубы! Смотрите, как бы вам эти кровавые деньги боком не вышли!

Цзянь Мянй поспешил на помощь и подал старику костыль. Тот, поблагодарив и натянув сандалии, с трудом встал, опираясь на руку юноши.

Выяснилось, что старик пришёл за лекарством, но цена за несколько месяцев взлетела втрое. Стоило ему возмутиться, как его бесцеремонно выставили вон.

Ярость бедолаги ещё не утихла. Устроившись в тени раскидистого дерева, он крепко сжал костыль задрожавшими руками.

— Одно и то же снадобье, — прохрипел он. — Всего за пару месяцев цена выросла в три раза! Нам, бедноте, теперь только помирать остаётся.

— Разве в городе нет других аптек?

Старик горько усмехнулся, окинув взглядом Цзянь Мянй и Цинь Уцзю. Он что-то заподозрил.

— Так вы те самые бессмертные мастера, что приехали издалека? Нечисть изводить? — Он махнул рукой. — Нет нужды. Нас скорее семейство Цуй в могилу сведёт, чем какой-нибудь оборотень.

По его словам, лавка «Зал Чудесной Добродетели» принадлежала богатеям Цуй. Когда-то их род был ещё могущественнее, но и сейчас, несмотря на упадок, они оставались «тощими верблюдами, что крупнее лошадей». Ткани, лекарства, лечебницы — всё было под их началом. Нынешний наследник, Цуй Сян, слыл законченным бездельником, просаживающим жизнь в кабаках и притонах.

Под его началом дела пошли прахом. «Зал Чудесной Добродетели» влачил жалкое существование и вот-вот должен был закрыться. Однако год назад город накрыла моровая язва. Откуда-то Цуй Сян добыл чудодейственный рецепт, который ставил на ноги даже безнадежных.

— Рецепт их, травы их... Хочешь жить — плати любые деньги, — вздохнул старик. — С тех пор «Зал Чудесной Добродетели» подмял под себя всё. Маленьких лекарей они просто выжили. Теперь, если кто занедужит, приходится вытряхивать всё из сундуков до последнего медяка.

Старик шмыгнул носом, утирая набежавшую слезу.

— Эх, был бы жив доктор Линь...

— Доктор Линь? — Цзянь Мянью тут же насторожился. — Отец, вы про мужа Юй Ваньэр говорите?

— Вы знаете бедняжку Ваньэр? — удивился старик и кивнул. — Да, это он. Линь Цюн был человеком святой души. Нуждающихся лечил даром, и лекарства им отпускал бесплатно. Да только год назад сам заразился этой язвой и сгорел в три дня. Не живут добрые люди долго... Семья Цуй задрала цены до небес, и он пытался с ними спорить, да куда ему против этих хищников. Его пбили крепко, а он, вернувшись, всё равно продолжал больных принимать.

Старик тяжело вздохнул, вспоминая судьбу этой семьи.

— Горькая доля выпала дому Линь.

Цзянь Мянью слушал, всё сильнее хмурясь. Старик указал куда-то вперёд:

— Дом доктора Линя вон там, за поворотом. Да только нет там теперь никого.

Вскоре они увидели небольшую усадьбу с наглухо запертыми воротами. У порога лежал скромный букет белых полевых цветов. Двери, облупившиеся от времени и палящего солнца, сияли чистотой — было видно, что кто-то регулярно их протирает.

Должно быть, дело рук того маленького попрошайки.

Цзянь Мянью коснулся замка — тот давно заржавел от дождей. Вид этого осиротевшего дома в сочетании с рассказом старика рождал в душе щемящее чувство тоски. Он начинал понимать Девятого. После долгих лет голодных скитаний мальчик наконец нашёл кров и близких, но всё это исчезло в одночасье, обратившись в призрачный морок. Неудивительно, что он отказывался верить в правду.

Пока они стояли у ворот, впереди послышался шум.

Обернувшись, Цзянь Мянью увидел роскошные носилки, величественно плывущие по улице. Впереди шагала свора наглых слуг, которые грубо расталкивали прохожих, расчищая путь. Люди ворчали, но вступать в спор не решались, поспешно отступая к стенам домов.

Соседи, привлечённые шумом, высунулись из окон. Из их перешёпотов Цзянь Мянью узнал, что в паланкине восседает госпожа Цуй, хозяйка «Зала Чудесной Добродетели».

Надо же, какая ирония. Стоило заговорить о Цуй, как они сами явились.

Процессия поравнялась с заклинателями. Внезапно из-за занавесок высунулась холёная рука с ярко-красными ногтями, и томный женский голос приказал:

— Стой.

Носильщики замерли. Штора отодвинулась, и на свет показалась женщина. Е Цяоцяо была ещё молода и весьма недурна собой: яркая, хищная красота, влажный, обволакивающий взгляд и голос, сочащийся приторной сладостью.

Она окинула молодых людей оценивающим взглядом и улыбнулась:

— Какая приятная встреча. Вы, должно быть, те самые бессмертные мастера, что прибыли к нам? Как продвигаются поиски демона?

Цзянь Мянью не ожидал, что она заговорит первой. Высокомерие этой особы неприятно задело его.

Взгляд госпожи Цуй скользнул за их спины, на дом Линей. На её лице промелькнуло такое отвращение, будто она увидела кучу навоза. Она брезгливо прикрыла нос шёлковым платком и процедила:

— Какая мерзость.

Цзянь Мянью почувствовал, как внутри закипает негодование. Упоминание о Юй Ваньэр или её доме вызывало в этой женщине волну лютой ненависти. Гораздо более глубокой, чем у любого другого горожанина.

Заметив выражение лица юноши, госпожа Цуй снова приторно заулыбалась:

— Ох, юный мастер, не сердитесь. Я вовсе не о вас. Просто это место... оно пропитано дурным глазом. Сама аура этих жильцов была пакостной.

— Говорят, она утонула, — негромко произнёс Цзянь Мянью, глядя ей прямо в глаза.

Рука с платком на мгновение замерла. Женщина нервно коснулась кончика носа.

— Да, весь город об этом знает. Эта Юй Ваньэр только и умела, что мордашкой торговать да чужих мужей из семей уводить. Бесстыжая тварь. Собаке — собачья смерть.

Вдруг она осеклась и, отбросив на миг маску злобы, расцвела в фальшивой улыбке:

— Но что это я... Мастер ведь прибыл нечисть ловить. Зачем вам расспрашивать о покойниках?

Она замерла, заметно испугавшись.

— Неужели... неужели вы думаете, что за всеми бедами в городе стоит её призрак?

Цзянь Мян промолчал, не подтверждая и не опровергая её слова. Госпожа Цуй на глазах начала терять самообладание. Даже густой слой белил не мог скрыть внезапной бледности.

— Лишь те, кто принял несправедливую смерть и чьё сердце полно нераскаянной злобы, становятся злыми духами, — мягко заметил Цзянь Мян. — Если Юй Ваньэр покончила с собой, с чего бы ей возвращаться в мир живых и убивать?

Е Цяоцяо на мгновение опешила. Затем страх сменился яростью.

— Откуда мне знать! Мастер, мы пригласили вас чудовищ ловить, а не меня допрашивать, как преступницу!

Она резко задёрнула шторы и рявкнула слугам:

— Пошли! Живее! Чего застыли, остолопы?!

Носильщики тут же тронулись с места. Один из охранников, проходя мимо Цзянь Мян, попытался состроить угрожающую мину.

Цзянь Мян лишь усмехнулся про себя. Эта сцена наглядно подтверждала слухи о Цуй: наглые, заносчивые и совершенно не ведающие страха. Впрочем, спускать им такое обращение он не собирался.

Когда процессия отошла на приличное расстояние, ноги носильщиков внезапно подкосились. Паланкин накренился, слуги бросились его удерживать, но в итоге вся камарилья кучей мала повалилась в дорожную пыль. По улице разнеслись вопли, охи и яростная ругань госпожи Цуй, оказавшейся в весьма нелепом положении.

Цзянь Мян не сдержал смешка. Заметив на себе взгляд Цинь Уцзю, он потёр нос и смущённо проговорил:

— Слишком уж зарывались. Не сдержался, решил немного прочить.

— Слишком уж ты с ними миндальничаешь, — обронил Цинь Уцзю.

— А как следовало бы? — с любопытством спросил юноша.

— Отрезать им руки и ноги, чтобы неповадно было впредь вредить людям.

Цинь Уцзю произнёс это совершенно серьёзно и замер, словно ожидая одобрения.

Цзянь Мянью на мгновение лишился дара речи. Разговор явно зашёл в тупик.

К счастью, его спас чей-то весёлый смех. Рядом стояла соседка, наблюдавшая за сценой.

— Ох, и поделом им! — отсмеявшись, сказала женщина. — Несправедлив мир: Цуй Сян — последний грешник, пьяница и игрок, а живёт в шелках.

— Это правда, что во время мора они взвинтили цены на лекарства? — спросил Цзянь Мянью.

— Истинно так, — кивнула соседка. — Кто не мог заплатить — отдавал дома, земли, а у кого и того не было — дочерей да сыновей в счёт долга. Жить-то всем охота.

Цзянь Мянью нахмурился.

— А как же власти?

Уездный судья показался ему человеком порядочным и скромным — в его доме не было ни одной дорогой вещи.

— Власти? — Женщина вздохнула. — Господин Тянь уже стар, он тихий и пугливый, боится слово поперёк вставить. Семья Цуй в Фэнхуэе — закон. Никто не смеет им перечить.

Она взглянула на небо — время близилось к обеду — и гостеприимно предложила заклинателям разделить с ней трапезу.

Цзянь Мянью вежливо отказался. Женщина улыбнулась, не настаивая, и скрылась в доме.

На улице снова воцарилась тишина. Госпожа Цуй со своей свитой давно скрылась из виду.

— Брат Цинь, — сказал Цзянь Мянью, — пойдём-ка вон туда, глянем ещё кое-что.

<http://bllate.org/book/17489/1711990>